

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Antonín Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnětině. Z prací Slovanského ústavu Československé akademie věd. — Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1954. 681 стр.

Книга Антонина Достала «Исследование о видовой системе старославянского языка», изданная Славянским институтом Чехословацкой Академии наук, представляет собою капитальный вклад в дело изучения глагольного вида в славянских языках. Впервые объектом монографического исследования стало видовое значение всех глаголов, за-свидетельствованных в памятниках старославянского канона, а именно около 3 тыс. глаголов, простых и сложных с приставками, зарегистрированных, как указывает автор, более чем в 53 тыс. случаях. Опубликованные ранее работы о глагольном виде в старославянском языке опирались лишь на сравнительно небольшую часть этого материала¹. Однако книга А. Достала отличается от работ его предшественников не только полнотой материала, но также и методами его обработки, большим совершенством и точностью использованных исследовательских приемов, позволивших автору сделать ряд новых важных выводов. Значительный интерес представляет (хотя в ряде пунктов кажется нам спорной) и та общая концепция развития славянского глагольного вида, которая стоит за рассуждениями автора на всем протяжении его труда и в связанной форме излагается им в заключительной главе работы.

Книга открывается довольно пространством теоретическим разделом, в котором автор высказывается по ряду общих вопросов теории глагольного вида. Центральная глава этого раздела посвящена проблеме определения вида, проблеме его грамматической сущности.

Рассмотрев основные предлагавшиеся в науке определения совершенного и несовершенного вида, автор делает вывод, что «наиболее интересным определением совершенного вида было то, которое основывается на понятии „комплексности, целостности и сосредоточения“ действия» (стр. 15), — определение, которое находим «уже у Соссюра». Что касается несовершенного вида, то ему не следует давать самостоятельного, положительного определения, а определять его надо как противоположность совершенного вида. В целом вид (или, следуя международной терминологии, аспект) есть «способность глагола выразить, как говорящий рассматривает реальное событие, действие (или представление о нем), — как целостность или наоборот» (стр. 18); совершенный (или перфективный) вид, составляющий главный член корреляции, соответствует целостному взгляду на действие, а несовершенный (имперфективный) вид, представляющий собой подчиненный член, — нецелостному его пониманию².

Справедливость требует отметить, что определение совершенного вида как целостного представления о действии встречается задолго до «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Уже Эм. Черный писал, что совершенный вид изображает действие «собираательно, сомкнуто, в совокупности, суммарно, в сжатом виде», в «собираательной сосредоточенности»³. Л. П. Размуссен дал формулировку еще более близкую к форму-

¹ Так, А. Мейе исследует лишь материал евангелия (см. «Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave», partie I, Paris, 1902), Э. Беме — только простые глаголы, главным образом совершенного вида и колеблющегося видового значения (см. «Die Actiones der Verba simplicia in den altpöbulgarischen Sprachdenkmälern», Leipzig, 1904), В. В. Бородин в своей докторской диссертации «Видовые отношения старославянского глагола» (М., 1952) и в других работах также опирается в основном на материал евангельских кодексов, а прочие памятники привлекает в меньшей степени.

² Автор находит, что вместо терминов «совершенный» и «несовершенный» (чеш. «dokonavý» и «nedokonavý») точнее было бы говорить «celkový» и «necelkový vid» (т. е. «целостный» и «нецелостный»), но считает нецелесообразным менять прочно установившуюся терминологию (стр. 40).

³ Э. Черный, Об отношении видов русского глагола к греческим временам, СПб., 1877, стр. 9 и 13.

лировке А. Достала: для совершенного вида—«...действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец —совокупно)», для несовершенного вида—«...действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия»¹.

Некоторые советские языковеды определяют совершенный вид, опираясь на понятие внутреннего предела действия. Нам представляется, что определение, восходящее к Черному и Размусену, и, в частности, определение Достала² лучше выражает суть и специфику славянского глагольного вида, так как указание на внутренний предел действия свойственно и терминативным, т.е. предельным, глаголам западноевропейских языков, не знающих совершенного и несовершенного вида.

Что касается так называемых «многократных» («итеративных») глаголов, то для автора (как и для ряда других чешских лингвистов) они являются понятием чисто морфологическим: это тип глаголов, образованных с определенными суффиксами от других глаголов. Вопрос о том, выражают ли эти «iterativa» действительно повторяющееся действие или нет, является, собственно, несущественным для видовой системы, имеющей дело только с двумя противоположными понятиями — целостности и нецелостности глагольного действия (стр. 18 и сл.).

В специальной главе вводного раздела рассматривается отношение грамматической категории вида к лексическому значению глагола. Влияние лексического значения на вид проявляется в существовании несоотносительных по виду глаголов (когда глагол в силу своего лексического значения не может быть перфективирован), в закреплении у ряда простых глаголов совершенного, а у остальных — несовершенного видового значения, в исторических изменениях видового значения некоторых глаголов и т. д.

Особая глава посвящена отношению вида к значению определенности и неопределенности глагольного действия, выражаемому (наряду со значением единичности и повторительности действия) парами глаголов типа *нести* — *носить*. Автор указывает на существенные различия между определенностью — неопределенностью, с одной стороны, и совершенным и несовершенным видом, с другой, и высказывает мнение, что противопоставление определенности и неопределенности, представленное очень небольшим числом глаголов, не могло (вопреки мнению ряда ученых) быть источником, из которого возникла категория славянского глагольного вида.

Известным недостатком вводного раздела является то, что автор, неоднократно пользуясь термином «способ действия» (чеш. «způsob děje» = нем. «Aktionsart»), нигде не формулирует своего понимания этого термина. Остается неясным, относятся ли к способам действия определенность и неопределенность, о которых сейчас была речь, единичность и повторительность действия, совпадают ли в какой-то мере способы действия с понятием лексического значения глагола (в той мере, в какой это лексическое значение влияет на вид), или, если все перечисленные явления не относятся к способам действия, то что же тогда такое способы действия и не становится ли вообще излишним это понятие?

Нам представляется, что понятие способов действия — важное и плодотворное понятие и что под способами действия следует понимать некоторые общие (часто выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и потому взаимодействующие в славянских языках с их видовыми значениями, а в неславянских языках отражающиеся в некоторых особенностях синтаксического употребления этих глаголов и их отдельных форм (например, в германских языках — причастия II и т. д.). Кроме того, нам представляется, что есть явления, промежуточные между способом действия и видом, категории, возникающие в результате известного обобщения способов действия, но об этом ниже.

Во втором разделе автор непосредственно подводит читателя к анализу языкового материала. Центральная глава этого раздела посвящена вопросу о критериях, при помощи которых следует определять вид глагола в старославянском тексте.

Рассмотрев критерии, предлагавшиеся в науке применительно к материалу различных славянских языков (способ, которым данный глагол образует будущее время, или, несколько иначе, наличие значения будущего времени в формах настоящего; наличие или отсутствие рядом с данным глаголом производного суффиксального гла-

¹ Л. Размусен, О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках, ЖМНП, 1891, июнь, стр. 379.

² Ближайшие формулировки находим также у Л. Андрейчина (см.: L. Andrejczin, Kategorie znaczeniowe koniugacji bułgarskiej, Kraków, 1938 или его же, Грамматика болгарского языка, М., 1949), И. Польдауфа (см. J. Poldauf, Atemporalnost jako gramatická kategorie českého slovesa?, «Slovo a slovesnost», R. XI, č. 3, 1949, стр. 128 и его же, Podíl mluvnické nauky o slovníku na problematice slovesného vidu, сб. «Studie a práce lingvistické, I. K šedesátým narozeninám akademika Bohuslava Havráňka», Praha, 1954, стр. 204) и др. правда, в этих работах несовершенный вид определялся не только как противоположность совершенному.

гола несовершенного вида; способность или неспособность форм настоящего времени служить ответом на вопрос «что ты делаешь?» и т. д.), автор приходит к выводу, что при установлении вида глагола, особенно в мертвом языке, нельзя всецело положиться на один какой-либо критерий, а необходимо опираться на сочетание ряда критериев (стр. 55).

Важнейшее значение он придает интерпретации каждого данного примера, оценке той ситуации, которая выражена в предложении (стр. 53 и сл.), причем, разумеется, не все ситуации и типы предложений являются одинаково показательными. В некоторых случаях, например, в гномических предложениях (типа *что посеешь, то и пожнешь*), нередко в повелительном наклонении и т. д. одинаково возможны оба вида, тогда как в других возможен только один определенный вид, а замена его другим видом влечет за собой полное искажение смысла. Внимание к греческому оригиналу, конечно, обязательно, когда речь идет о переводных текстах, но наличие аористных или презентных форм в греческом не может служить опорой при установлении видового значения старославянского глагола, если в данном случае описанная ситуация допускает и тот и другой вид глагола (а также если сама ситуация в понимании переводчика оказывается несколько иной, чем описанная в оригинале). Подобным же образом надо относиться к различиям в параллельных старославянских текстах: они могут быть свидетельством необязательности одного определенного вида в данном конкретном случае.

Среди других критериев автор уделяет довольно большое внимание (как нам кажется, большее, чем следовало бы) случаям, когда форма настоящего времени выступает для обозначения будущего события. Важной он считает также возможность постановки различных видовых вопросов и возможность присоединения к глаголу обстоятельственных слов вроде *долго, медленно или вдруг, сразу, быстро*, иногда (в зависимости от лексического значения глагола) — *вполне*. Заметим, что поскольку речь идет о языке мертвом, присоединение «видовых слов» (как и возможность постановки «видовых вопросов») фактически не выходит за рамки той же интерпретации примеров, так как эксперимент мог бы быть проделан не над рассматриваемым текстом, а лишь над его переводом на тот или иной другой живой славянский язык. Кстати, обстоятельственные слова со значением «медленно» и «быстро» (по крайней мере, в русском языке) довольно свободно соединяются с глаголами обоих видов¹.

Автор подчеркивает, что наличие или отсутствие в памятниках тех или иных форм времени или причастий от данного глагола вообще не может служить критерием при определении вида, так как в старославянском любая глагольная форма в принципе может быть образована от глагола любого вида. Все формы данного глагола, как правило, имеют одно и то же видовое значение.

В этом же разделе дается краткий обзор того, что сделано в науке по изучению глагольного вида в старославянском языке, причем автор ставит в вину своим предшественникам, что они без достаточных оснований смотрели на видовую систему старославянского как на систему архаическую, не дошедшую до высокого уровня развития. Далее формулируются задачи работы и перечисляются тексты, которые были полностью расписаны автором в процессе исследования. Это — Зографское евангелие (остальные евангельские кодексы, как правило, учитывались в случае различий), Охридские глаголические листки, листки Удольского, Новгородские отрывки, Синайская псалтырь, Слуцкий отрывок псалтыри, Синайский трепник, Пражские глаголические отрывки, Киевский Миссал, Клоцов сборник, Македонский (Рильский) глаголический листок, Македонский листок Гильфердинга, Хиландарские листки, Зографские листки Лаврова, Погодинские листки и Супрасльская рукопись. Тексты, дошедшие в более поздних, церковнославянских списках (Апостол), и различия более поздних списков (например, Погодинской и Болонской псалтыри) привлекались только в отдельных случаях, когда это было почему-либо важно, и не учитывались при статистических подсчетах.

Следующий, третий раздел книги посвящен анализу простых, не сложных с приставками глаголов совершенного вида и колеблющегося видового значения; четвертый раздел — анализу простых глаголов несовершенного вида.

Для каждого глагола, после краткого обзора мнений, высказывавшихся в литературе о его видовом значении, приводится в большем или меньшем количестве материал из памятников (обычно — наиболее показательные случаи и, наоборот, трудные случаи, требующие специальных толкований) и дается статистика употребления этого глагола: общее количество случаев, их распределение по отдельным формам, а нередко и по отдельным памятникам (последнее бывает важно для установления, например, того, к какому слою старославянского словаря — более старому или более позднему — относится данный глагол). Если глагол обнаруживает колебания видового значения,

¹ Слова *вдруг, внезапно, сразу* и т. п., конечно, также сочетаются с глаголами несовершенного вида, но более или менее обычным такое соединение может быть только при значении многократности (он *внезапно высевался из окна*, т. е. много раз и каждый раз — *внезапно*) или в настоящем историческом (*вдруг приходит и говорит*).

выясняется динамика его употребления в совершенном и несовершенном видовом значении на протяжении старославянского периода и делается попытка установить причины и пору возникновения или, наоборот, затухания указанных колебаний. Наконец, следует справка о видовом значении рассматриваемого глагола в некоторых других славянских языках, составленная на основе грамматических работ и словарей, и общий вывод о его древнейшем видовом значении.

В подавляющем большинстве случаев предлагаемые автором толкования цитируемых примеров, как и его выводы о каждом отдельном глаголе, представляются вполне убедительными. Однако иногда при чтении книги у меня возникали сомнения. Так, например, я не убежден, что значение будущего времени в форме *постать ся* (Мрк. 2,20 и в др. местах; см. стр. 133) обязывает нас понимать эту форму в смысле совершенного вида, или что имперфект не *дабаше* в примерах из евангелия (Мрк. 11,16 и Лук. 4,41; см. стр. 97) следует объяснять как выражение повторяющегося действия и потому как имперфект глагола совершенного вида¹.

Некоторый повод для критических замечаний дают сопоставления с другими славянскими языками, подчас довольно неполные. Так, рассматривая глагол *пасти* (*падж*), автор не учитывает случаев несовершенного видового значения глагола *пасть* (и диалект. *пáнути*), встречающихся в русском языке еще в XIX в. и в некоторых русских говорах. Также и при анализе глагола *дати* не учитывается возможность несовершенного видового значения этого глагола в древнерусском, отмеченная, например, А. А. Потебней (ср. *начнет не дати* в «Русской Правде»). В результате оба названных глагола попадают в число таких, которые уже в доисторическую эпоху были исключительно глаголами совершенного вида (стр. 103). Ряд неточностей встречаем и в привлекаемых болгарских параллелях, а факты болгарского языка могли бы в ряде случаев подкрепить выводы автора (например, его тезис о двойственном видовом значении глаголов *ити*, *пити*)², либо, наоборот, внести какие-то коррективы в его рассуждения (см. ниже по поводу глагола *видѣти*).

Простых глаголов совершенного вида автор насчитывает в старославянском 50. Немного менее половины этого количества составляют глаголы движения (в широком смысле слова), преимущественно глаголы, обозначающие короткое и быстрое движение (*пасти*, *сбѣсти*, *ерѣшити*, *ринѣти*, *таѣхнѣти*, *скожити*, *стѣхити* и др.). Среди остальных глаголов — «глаголы физических и духовных действий», также преимущественно кратких (*дѣхнѣти*, *плѣхнѣти*, *вижѣти*, *любѣзати*, *дрѣхнѣти* и др.) или «рассматриваемых с точки зрения результата» (*родити*); глаголы речи, также краткой (*клѣхнѣти*, *реѣти*) — в противоположность *глаголати*, обозначающему главным образом длительную речь) и др. Именно глаголы с указанными лексическими значениями должны были, по мысли автора, закрепиться в совершенном виде, поскольку такие краткие и быстрые действия естественнее могли восприниматься как целостные (стр. 100 и сл.).

Простых глаголов несовершенного вида автор насчитывает 423 (в это количество не входят так называемые «iterativa»). Основные лексические группы, представленные здесь, — это глаголы состояния, покоя; глаголы, обозначающие свойство субъекта (*блѣстити*, *расти*, *моѣти*, *слѣтити*, *жедѣти*, *знати*, *сидѣти*, *алкѣти*, *страдати*, *дѣвѣтѣти*, *енѣвати ся*, *оумѣти*, *вѣнѣти*, *имѣти*, *чѣудити ся*, *любити* и почти все глаголы IV класса с инфинитивом на -ѣти: *трѣвѣти* и т. д.); глаголы медленного изменения состояния (*сѣхнѣти*, *бѣгѣти*, *сѣхѣти* и т. д.); глаголы движения, но преимущественно продолжительного и сложного (*мѣсти*, *трѣсти*, *нѣсти*, *кажѣти*, *рѣжѣти*, *парѣти* и т. д.); глаголы речи, но долгой (*говорѣти*, *моѣти*, *бесѣдовѣти*, *глаголати*, *клевѣтѣти* и пр.) и т. д. И в этих случаях лексическое значение глаголов отразилось на их виде, так как все эти продолжительные действия и состояния естественнее всего воспринимались не в их целостности, что и повело к их закреплению в несовершенном виде (стр. 240 и сл.).

Изложенные выше очень интересные соображения автора можно было бы, мне кажется, уточнить в том смысле, что тот или иной вид закрепился во всех указанных гла-

¹ Другое дело *дабаше* в Супр., 207, 15 (см. стр. 98), где мы имеем кратное действие, соотношенное с другим кратным действием (*сѣлоуѣаше ся*), т. е. очевидный случай имперфекта глагола совершенного вида.

² Болг. *ида*, как и ст.-слав. *ити*, выступает как глагол с двойственным видовым (и вместе с тем двойственным лексическим) значением, что отмечено, в частности, и словарем Дювернуа, которым пользовался автор; болг. *пия*, наряду с преобладающим несовершенным значением, изредка имеет и совершенное, что отмечено, например, Л. Андрейчиным (см. «Kategorie znaczeniowe...», стр. 16). Автор в обоих случаях указывает для современного болгарского языка только несовершенный вид. Отметим еще в связи с глаголом *пѣсати* (автор относит его к группе несовершенных глаголов, но с оговоркой, что Б. Гавранек предполагал совершенное видовое значение в формах причастия прошедшего времени страдательного залога), что болгарское *пѣша* может иметь значение совершенного вида не только в страдательном причастии (особенно в говорах и в языке XIX в., а сейчас — в некоторых специальных лексических значениях).

годах не в связи непосредственно с их лексическими значениями, а в связи с теми общими особенностями этих лексических значений, которые известны под именем способов действия¹.

Автор подчеркивает, что вид простых глаголов не обусловлен их морфологическим строением (все пять классов старославянских глаголов представлены как глаголами несовершенного, так и совершенного вида). Это замечание в значительной мере справедливо, но его не следует принимать абсолютно. Ведь все же не случайно II старославянский класс представлен в большей мере глаголами совершенного, а III класс глаголами несовершенного вида, как не случайно глаголы типа *трьѣти* объединяются не только в смысловую, но и в формальную группу.

Особый интерес среди простых глаголов старославянского языка представляют глаголы колеблющегося видового значения. Автор насчитывает 29 таких глаголов², в том числе 10 глаголов с преобладающим значением совершенного вида (*клати*, *жръти*, *лишити*, *бжжати* и др.) и 18 с преобладающим несовершенным значением (*ити*, *сести*, *пити*, *пѣти*, *пѣнѣти*, *слышати*, *видѣти* и др.). Глагол *късмъ* — *бждх* в значении «быть» употребляется (во всех формах, в том числе и в будущем) как глагол несовершенного вида, а в значении «стать» (только в формах *бждх*, *бжди*, *быхъ*, *быти*, *быть*) как глагол совершенного вида. Автор считает, что наличие такой сравнительно большой группы глаголов двойственного видового значения не говорит о недоразвитости старославянской системы вида, так как глаголы двойственного видового значения имеются в достаточном количестве и в современных славянских языках.

В отношении количественных показателей дело, действительно, обстоит так. Мало того, современные славянские языки имеют даже гораздо больше двухвидовых глаголов, чем их имел старославянский, за счет широкого развития глаголов вроде русск. *телеграфировать*, *арестовать* и т. д. Но дело ведь не в количестве таких глаголов. Дело в том, какой характер имела эта двухвидовость: если в современных славянских языках любой двухвидовый глагол в каждом данном случае своего употребления имеет только один определенный вид и потому здесь двухвидовость является, так сказать, видовой омонимией, внешним тождеством двух глаголов разных видов, то так ли обстояло дело и в древних славянских языках? Можно ли быть уверенным, что в старославянском абсолютно все глаголы в любом случае своего употребления уже были четко распределены между видами и нигде уже не сохранилось никаких следов первоначальной видовой недифференцированности? Думаю, что подобное предположение было бы такой же крайностью, как и та чрезмерная архаизация старославянской системы вида, которая пропущена как и некоторые старых работ (например, у Г. К. Ульянова), так и у некоторых современных исследователей (у В. В. Бородин) и против которой автор справедливо возражает. Думаю, что для старославянского в ряде случаев мы все же должны предположить (как это делал Ван-Вейк для ст.-слав. *ити* и *видѣти*³) сохранение старой «бесвидности». Ведь все признают, что развитие вида шло постепенно. Это значит, что элементы старого качества не отмирали сразу. Вероятно, именно сохранение отдельных пережитков прошлого довидового состояния и является одним из специфических отличий старославянской системы вида (или, шире, системы вида древнейшего периода славянской письменности) от видовых систем современных славянских языков.

Перейдем, однако, к рассмотрению пятого, самого большого, раздела книги, посвященного анализу глаголов, сложенных с приставками, и вопросу о роли префиксации в видовой системе старославянского языка.

В противоположность старшему поколению исследователей, учивших, будто приставка переводит несовершенный вид, перфективирует только «простые *durativa*», т. е. «целеративные» глаголы, но не перфективирует глаголов «итеративных», автор присоединяется к другой, более современной и, на наш взгляд, единственно правильной точке зрения, согласно которой глаголы типа *заговарисать* возникают вовсе не путем присоединения приставки (по формуле *за + говарисать*), а являются производными

¹ Что касается таких рубрик автора, как «глаголы религиозной терминологии», то автор сам показывает, что значение совершенного вида они получили не в качестве глаголов религиозной терминологии, а в силу других причин (см. стр. 103), которые, добавим, также относятся к области способов действия. Специально для *гласфимисати* и *скандаисати*, несмотря на замечания автора (см. стр. 78—79), дело могло бы заключаться, как предполагает Мейе, в том, что эти глаголы произошли от греческих форм аориста. Ср. совершенный вид глаголов на *-исам* в современном болгарском и македонском.

² Вероятно, их в действительности больше (ср. сказанное выше о форме *не дадѣаше* и о глаголе *тсати*).

³ Аргументы автора в полемике с Ван-Вейком (стр. 140) не кажутся убедительными. В частности, в своих рассуждениях о дальнейшей судьбе глагола *видѣти* автор не учитывает, что современное болгарское *видя* (и макед. *видим*) обычно имеет совершенное видовое значение.

от глаголов, уже имевших приставку (от *заговорить*)¹, или, как это формулирует автор, образуются не путем префиксации, а путем деривации (см. стр. 253 и сл.).

Процессы деривации рассматриваются в шестом разделе книги. Что же касается префиксации, то она, как правильно указывает автор, почти всегда ведет к возникновению глагола совершенного вида. Исключение составляют только те сравнительно немногочисленные случаи, когда глагол не может быть перфективирован в силу своего лексического значения, не допускающего перфективации, и потому даже в сочетании с приставкой остается глаголом несовершенного вида (например, *прѣдлѣжати* и все другие приставочные образования от *лѣжати*, *сѣдѣти* и *стоати*, почти все приставочные образования от *дрѣжати* и некоторые другие; см. стр. 452—459). Однако по существу не являются исключениями случаи несовершенного видового значения (наряду с совершенным) в глаголах типа *свѣдѣтельствовати*, *разумѣти* (стр. 447 и сл.), так как такие глаголы возникли вовсе не путем префиксации, а были образованы от именных основ, уже имевших приставку. Именно сознание «сложности с приставкой» (и, в противоположных случаях, «сознание деривации») — хотя бы оно и не соответствовало подлинной истории данного глагола — является, по мнению автора, тем основным фактором, которым определяется вид глагола, имеющего приставку (см. стр. 254 и сл.).

К изложенным выводам автора, вполне справедливым по отношению к современным славянским языкам и правильно объясняющим громадное большинство фактов старославянского, можно было бы только добавить, что в старославянском еще встречаются, хотя и очень редко, следы того более древнего периода, когда префиксация не только у глаголов статического состояния вроде *лѣжати*, *сѣдѣти* и т. д., но и у всех вообще глаголов еще не создавала значения совершенного вида. Не признавая наличия в старославянском подобных следов, автор не может удовлетворительно объяснить примеры вроде *истѣнѣхаше* (Супр. 476, 24; у автора на стр. 305 — неубедительная ссылка на «постепенное осуществление действия»), *завѣнѣхаше ся* (Супр. 466, 13; у автора на стр. 269 объясняется как выражение повторяющегося действия), *пронѣхаше* (Сав. кн., Мф. 9, 35; у автора вообще отсутствует, так как Зографское евангелие имеет в этом месте *прохождаше*).

Рассматривая вопрос о том, как возникла так называемая перфективирующая функция приставок, автор подчеркивает, что она появилась не в результате утраты или ослабления лексического значения приставки, а наоборот, на базе его сохранения. То, что в балтийских языках приставка перфективирует только при условии потери ею лексической функции, автор относит за счет самостоятельного развития балтийских языков, а широко известные в славянских языках случаи стирания в приставках их лексических значений рассматривает как достижение той более поздней эпохи, когда префиксация стала уже механическим средством образования совершенных глаголов (стр. 262). Начало же перфективации при помощи приставок он объясняет тем, что приставка, суживая семантический объем глагола, сводя его «к одному конкретному случаю» (стр. 254), способствовала тому, чтобы действие, выраженное глаголом, воспринималось как целостное.

Думается, что приведенные рассуждения автора в своей основе глубоко правильны, но в одном пункте требовали бы уточнения. Так называемая перфективирующая функция приставок есть, если можно так выразиться, «побочный продукт» их основной, лексической функции. Появление этого побочного продукта обусловлено, как нам кажется, с одной стороны, самим лексическим значением приставок, а с другой — образованием производных глаголов, имеющих ту же приставку и то же лексическое значение и противопоставляющихся своим производным как несовершенные — совершенным. Именно то, что неславянские языки таких производных глаголов не образуют, и ведет к тому, что в них перфективирующая функция приставки либо вообще не может развиться, либо развивается в очень ограниченной мере только за счет полной утраты этой приставкой лексической функции (т. е. когда «чистой» паре к возникающему глаголу совершенного вида будет составлять глагол без приставки, как это, вероятно, и случилось в литовском языке). Если же производные глаголы типа славянских не возникают и вместе с тем утрата лексического значения приставки не имеет места, перфективирующая функция, как нам представляется, вообще не развивается. Дело ограничится тем, что приставочные глаголы будут отличаться от соответствующих бесприставочных, помимо лексического значения, только своей терминативностью, предельностью, но никак не видом, — картина, которую мы имеем, например, в германских языках.

Итак, мы полагаем, что непосредственно на базе лексического значения приставок развивается значение предельности. Только при наличии благоприятных условий (в славянских языках — с образованием производных глаголов той же лексической

¹ Исключение автор делает для приставочных глаголов типа *износити* (т. е. образованных от моторно-кратных основ). Он считает, что такие приставочные глаголы все же возникают (как тип) по формуле *из + носить*, хотя и имеют значение несовершенного вида (стр. 256 и 510).

семантики) значение предельности переходит в значение совершенного вида (целостного восприятия действия).

В этом же разделе книги, опираясь на статистику употребления отдельных приставок в более ранних и в более поздних памятниках и в отдельных глагольных классах (различающихся между собой степенью продуктивности, т. е. наличием или отсутствием и удельным весом новообразований), а также привлекая данные, позволяющие судить о степени спаянности отдельных приставок с глаголом (фонетические процессы на стыке приставки и глагола, возможность вставки отрицания и т. д.), автор приходит к интересным соображениям по вопросу относительной хронологии использования отдельных глагольных приставок. Древнейшей глагольной приставкой он считает приставку *po-*. За нею следовали *u-*, *sz-*, *vъz-*, *vъ-*, вероятно, также *iz-* (с вариантом *yu-* для западной и восточной ветви славянских языков) и *do-* (хотя в старославянском последняя приставка распространена мало); для всех этих приставок характерна широта лексического значения, также свидетельствующая об их давнем употреблении. Остальные приставки, для которых характерно сохранение более конкретных значений (значение пространственного направления и т. д.), относятся к нескольким более молодым слоям в развитии глагольной префиксации (стр. 259 и сл.).

В шестом, как нам кажется, наименее удавшемся разделе книги рассматривается понятие многократности действия и его отношение к системе вида и исследуются так называемые «итеративные» глаголы старославянского языка (включая моторно-кратные глаголы типа *носити* и *бѣгати*), как бесприставочные (в количестве 104), так и имеющие приставку (в количестве 723).

Хотя во вступлении автор, как мы видели, говорит, что вопрос о том, имеют или нет так называемые «итератива» многократное значение, по существу безразличен для вида, он именно этим вопросом и занялся в первую очередь в рассматриваемом сейчас разделе. Весь материал исследуется им с той точки зрения, какое действие, единичное или повторяющееся, передается каждым «итеративным» по образованию глаголом, какое из этих двух значений встречается чаще в более ранних и в более поздних памятниках, какими именно оттенками представлено значение повторительности или многократности (прячем постепенное осуществление действия расценивается как разновидность многократного значения). В результате проделанного анализа автор приходит к следующим выводам:

1. «Итеративные» по образованию глаголы, начиная с ранних эпох, могут выражать многократность, но не обязательно должны иметь такое значение. Вывод правомерный и никаких сомнений не вызывающий.

2. С течением времени количество случаев, в которых «итеративные» глаголы выражают многократные действия, увеличивается, а количество случаев однократного значения соответственно уменьшается. Этот вывод, как признает сам автор, противоречит представлениям, сложившимся в науке, и нуждается в проверке на материале других славянских языков (стр. 503, 573—574 и др.).

Можно добавить, что, как известно, любой глагол несовершенного вида, независимо от его морфологического строения, может выражать в славянских языках как единичное, так и повторяющееся действие¹. Так, в примере *жыхидеже не сѣбѣхъ и събираѣхъ доуже не расточихъ* (Мф. 25, 26) форма *жыхъ*, образованная от «неитеративного» глагола несовершенного вида, оказывается не менее и не более итеративной по значению, чем форма «итеративного» глагола *събираѣхъ*. Поэтому односторонним является анализ соотношения многократного и однократного значений, проведенный автором на материале одних только «итеративных» глаголов. Выводы его были бы убедительны, если бы здесь же было показано, какова динамика двух указанных значений во всех прочих глаголах несовершенного вида. Однако более интересным был бы, вероятно, несколько другой путь исследования: если бы автор разделил так называемые «итеративные» глаголы не на бесприставочные и приставочные, а на «возникшие в силу видовой потребности», т. е. производные от глаголов совершенного вида, все равно бесприставочных или приставочных, и «возникшие независимо от видовой потребности», т. е. производные от глаголов несовершенного вида. Думается, что семантический и статистико-хронологический анализ в пределах таким образом очерченных двух групп дал бы гораздо больше именно для понимания видовой системы старославянского языка, и, кроме того, весь раздел об «итеративных» глаголах не казался бы тогда каким-то отступлением в сторону от основной темы книги.

Кроме того, следовало бы особо выделить немногочисленную, но интересную группу случаев, когда приставочный глагол с «итеративной» основой имеет значение совершенного вида, например: *поносити* (наряду с несовершенным значением), *възносити*, *издачати*, может быть *проводити* (стр. 513—515); *оуготовати* и *сѣготовати* (стр. 544); *сѣстрѣлати* (стр. 561); *исъхати* (стр. 577) и некоторые другие. Хотя совершенное видо-

¹ Даже глагол совершенного вида может выразить (разумеется, в соответствующих синтаксических условиях) те же два типа действий: действие единичное или действие повторяющееся.

вое значение этих глаголов попутно отмечается автором, случаи эти никак не обобщены и тонут среди массы других, обычных случаев несовершенного вида; а между тем факты эти заслуживали бы более пристального внимания, так как некоторые из них могут рассматриваться как зародыши новых закономерностей, широко развившихся в современных славянских языках, где глаголы совершенного вида с приставками и «итеративными» основами стали довольно обычным явлением (ср. русск. *попадать*, *выходить*, *забегать* и многие другие).

Последний, седьмой раздел книги представляет собою краткий обзор синтаксического употребления глаголов в связи с их видом. В этом разделе отметим определения, которые автор дает простым прошедшим временам старославянского глагола: аорист «употребляется в повествовательном стиле о действиях, которые знаменуют собою движение вперед в ряду глагольных действий и являются готовыми в момент, когда о них говорится» (стр. 598); имперфект в корреляции с аористом есть немаркированный член и потому должен определяться отрицательно, как прошедшее время, не имеющее значения аориста. Интересно, что автор отказывается от широко распространенного в чешском языкознании определения имперфекта как прошедшего одновременности и признает, что «в некоторых примерах имперфект выражает изолированные действия, не являющиеся ни сопровождающими, ни одновременными другому прошедшему действию, например Лука 1, 80: ... *отроча же растѣаше и крѣпѣаше сѧ дѡмѡмъ...*» (стр. 602). Отношение между аористом и имперфектом не есть отношение видовое. Аорист «свободно образуется от глаголов обоих видов (более 40% всех случаев аориста приходится на глаголы несовершенного вида); имперфект же преимущественно представлен несовершенными глаголами (99% всех случаев), так как, не выражая «готовых действий», он естественнее используется при нецелостном понимании действия (стр. 600). Во всех обследованных текстах автору удалось найти только 23 примера имперфекта от глаголов совершенного вида (в том числе 3 примера от бесприставочных и 20 от приставочных глаголов)¹.

В заключительной главе автор подводит итоги работы и, в частности, излагает свой общий взгляд на происхождение славянской видовой системы.

Первым этапом ее становления он считает закрепление за известными бесприставочными глаголами, в соответствии с их лексическими значениями, значения совершенного вида. В заключительной главе автор не говорит, что было движущей пружиной этого процесса, но в другом месте книги он утверждает, что уже в индоевропейский период существовала (может быть, не повсеместно) «потребность понимать некоторые действия как целостные» (стр. 262). Появление, очевидно, в силу этой потребности, в ряде бесприставочных глаголов значения совершенного вида, естественно, повело к закреплению за другими бесприставочными глаголами противоположного видového значения. «Между обеими группами глаголов создается видовое различие и, частично, видовая корреляция» (стр. 621). Несколько позже получает широкое развитие префиксация, пополняющая ряды совершенных глаголов, и, наконец, видовая деривация, создающая соответствующие глаголы несовершенного вида (по образцу некоторых старых пар, объединявших первичный и производный от него глагол). Все указанные процессы относятся к доисторическому периоду. Впоследствии производные глаголы несовершенного вида получают во все большей мере значение многократности, начало чего застаем в старославянском, но что полностью развивается уже только в более позднюю эпоху.

Заметим, что уже первый этап становления вида, как его рисует автор, дает основания для некоторых сомнений. Вряд ли можно согласиться с тем, что совершенный и несовершенный виды возникают, так сказать, без всякой подготовки, как бы на голом месте, на основе одной общиндоевропейской «потребности понимать некоторые действия как целостные». Скорее можно предположить, что абстрактная грамматическая категория вида возникла на базе обобщения и переосмысления более конкретных лексических и полудексических способов действия, причем промежуточной ступенью между способами действия и видом, вероятно, была полувидовая категория предельности и неопределенности глагольного действия (подобно терминативности и курсивности в некоторых неславянских индоевропейских языках). Можно думать, что именно по этой линии шла дифференциация среди бесприставочных глаголов, что будущие бесприставочные глаголы совершенного вида в какую-то эпоху стали получать значение предельности.

Утверждая, что между двумя группами бесприставочных глаголов частично устанавливается видовая корреляция, автор не уточняет, о какого типа видовой корреляции идет речь — только ли о корреляции типа *сѣсти: сѣдѣти* или также и о корреляции типа *пасти: падати*. Думается, что первая корреляция, являющаяся в историческую

¹ В действительности количество таких примеров еще меньше, если изъять многие случаи, в которых имперфект был образован от глагола, еще не ставшего глаголом совершенного вида (ср. упомянутые выше два примера *не дадѣаше* из евангелия или *лѣзѣхъаше* и *задѣхъаше сѧ* из Супрасльской рукописи).

эпоху не чисто видовой, но и лексической, словообразовательной, в эпоху до возникновения второй корреляции вообще не должна рассматриваться как видовая в смысле славянских видов. Это корреляция предельности и неопределенности, представленная и в неславянских языках. Только с появлением корреляций второго типа можно говорить о совершенном и несовершенном виде, так как «совершенство» и «несовершенство», т. е. целостный и нецелостный взгляд на действие предполагают возможность двойного взгляда на одно и то же действие (например, действие падения), а не на два разных действия (как в случае *сесть—сидеть*). Пока речь идет о разных действиях, пока видовые различия не эмансипировались, хотя бы в какой-то части глагольной лексики, от лексических различий, нет совершенного и несовершенного вида, а есть, в лучшем случае, их исторические предшественники — предельность и неопределенность.

Таким же образом, как уже отмечено выше, и префиксация сама по себе, без ее дополнения «деривацией», т. е. образованием так называемых «iterativa», вряд ли могла бы рассматриваться как процесс, ведущий к образованию глаголов совершенного вида. Короче говоря, и по отношению к бесприставочным, и по отношению к приставочным глаголам дело обстоит так, что только создание производных глаголов несовершенного вида знаменует собою переход от предельности — неопределенности к совершенному и несовершенному виду. Если это правильно, то движущей причиной возникновения вида явилась не «потребность понимать некоторые действия как целостные», а «потребность представить предельное действие в процессе его развертывания (или повторения)». Целостное и нецелостное понимание действия выступают не как причина, а как результат развития вида, как тот итог, к которому приходит глагольная система славянских языков, создавая грамматическую категорию совершенного и несовершенного вида.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что книга А. Достала — выдающееся, незаурядное явление в славянском языкознании последних лет. Сделанные здесь замечания несколько не умаляют крупных достоинств этого капитального труда. Значение его выходит за рамки учения о славянском глагольном виде, и нет сомнения, что каждый славист найдет в этой работе еще очень много интересного и нового материала, в частности по вопросам глагольного словообразования, продуктивности отдельных морфологических типов глагола, синтаксического употребления времен, наклонений и именных форм глагола, много ценного материала для характеристики глагольной лексики отдельных старославянских памятников и т. д. Большую практическую ценность для последующих исследований имеют приводимые автором полные списки глаголов (а для многих глаголов — полные списки всех засвидетельствованных случаев их употребления), полные списки всех засвидетельствованных случаев употребления отдельных времен (например, перфекта со вспомогательным глаголом и без вспомогательного глагола на стр. 603—607) и т. д. и многочисленные статистические подсчеты автора. Во многих отношениях книга А. Достала — хотя автор и не ставил себе этой цели — может служить исчерпывающим и надежным справочником по старославянскому глаголу.

Ю. С. Маслов

О «НОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ ФРАНЦИИ»

(Сравнительно с атласом Жильерона)

«Новый лингвистический атлас Франции» является важным этапом в развитии зарубежной лингвистической географии. Этот атлас по сравнению с атласом Ж. Жильерона имеет ряд преимуществ, что свидетельствует о дальнейшем развитии диалектологии французского языка. Тем не менее и «Новый лингвистический атлас» в своей основе связан с традициями школы Жильерона. Последняя до сих пор оказывает большое влияние на зарубежную лингвистику, несмотря на то, что в наши дни зарубежные диалектологи начинают отходить от этой школы: например, обращает на себя внимание тот факт, что во французской диалектологии намечается даже признание диалекта, как целостного единства (см. последние работы Л. Ремакля, М. Валькофа, Ш. Госсена).

Теоретическая позиция составителей «Нового лингвистического атласа», связанных со школой Жильерона, но в отдельных вопросах отходящих от этой школы, вырисовывается особенно отчетливо, если сопоставить ее с исходными позициями, на